

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1
Е 732

Е 732 **Ермилов А.П.** Власть и экономические отношения: деятельностный подход. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – 312 с.

ISBN 978-5-89665-322-6

В монографии отношения господства-подчинения (власти) рассматриваются в качестве основы социальных отношений. Обосновывается универсальный характер власти и ее разновидностей – отношений собственности и управления. Используются разработанные в рамках деятельностного подхода методологические приемы анализа социальных систем, позволяющие последовательно выделить и проанализировать общественные, экономические и производственные отношения. Разработана типология производственных отношений и способов производства на основе типологии методов осуществления власти и форм собственности на средства производства. Выделение видов способов производства планового хозяйства (централизованно-управляемой экономики) позволило зафиксировать государственно-капиталистическую сущность советской экономической системы 60–80-х годов XX века.

Книга предназначена для специалистов в области социальной философии, политической экономии, институциональной экономической теории, теории экономических систем и истории советской экономики.

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1

ISBN 978-5-89665-322-6

© Ермилов А.П., 2017 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2017/Ermilov2017Vlast_i_economicheskie_otnosheniya.pdf

Глава 2

ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОСТИ, ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ

Как было показано в предыдущей главе, имманентным свойством человеческой деятельности является ее коллективность (совместность), и мы предположили, что в структуре деятельности необходимо наличие специального элемента, «ответственного» за ее формирование. Этот элемент мы назвали социальными отношениями. На протяжении длительного времени наука сосредоточивала свое внимание на изучении этого свойства деятельности как исключительно человеческого. Однако в течение последнего столетия в биологии начали появляться исследования группового поведения представителей животного мира. Развитие технологий позволило глубоко проникнуть в это поведение. В результате были сделаны многие сенсационные открытия. Мы выделим два из них. Во-первых, было доказано, что совместность (социальность) деятельности является универсальным феноменом животного мира. Во-вторых, было установлено, что главным принципом формирования социальных общностей является принцип иерархической структуры и, следовательно, важнейшим атрибутом животного мира является иерархия. Признание иерархии в качестве единственной формы организации сообществ в животном мире позволило нам сделать важное заключение о том, что в их основе лежат отношения господства-подчинения, доминирования или власти. И далее мы распространяем последний тезис и на социальные отношения между людьми. Рассмотрим названные проблемы более подробно.

2.1. Истоки социальности, иерархия и власть в животном мире и обществе

В предыдущей главе мы показали, что совместность (коллективность) человеческой деятельности является одним из ее имманентных свойств и формируется специальным элементом системы деятельности – социальными отношениями. Однако, как оказалось, данное свойство характерно не только для людей. Оно является и неотъемлемым свойством активности практически всех видов представителей живой природы. Изучению данного явле-

ния были посвящены обширные и продолжительные исследования в рамках биологии, что привело в результате к возникновению ее специального раздела, названного «социобиологией».

Социальность как универсальный феномен животного мира. Одной из основных категорий этой науки является категория «социальность», раскрытие которой позволяет уяснить механизмы и причины совместного поведения представителей животного мира. Впоследствии названная категория нашла свое применение и в общественных науках, прежде всего в философии, социологии, антропологии, этнологии. Ее использование позволило сосредоточить внимание исследователей на выявлении механизмов объединения людей в человеческое общество и их эволюции.

Важность категории «социальность» заключается в том, что она охватывает и животный мир, и человека. Проанализировав трактовки этой категории в гуманитарных и биологических исследованиях, И.А. Шмерлина сконструировала синтетическое определение социальности – «базирующееся на общей смысловой перспективе взаимодействие живых существ, преимущественно конспецификов, совершаемое как цепь подсоединяющихся коммуникаций и образующее устойчивые структуры. Имеет проявления как на микроуровне, реализуясь в межличностных связях и взаимодействиях, так и на макроуровне (у человека находит воплощение в идеальных и институциональных структурах, у животных – в популяционной структуре)» [Шмерлина, 2013, 176–177].

Современная наука трактует человека как существо биосоциальное, являющееся частью природы и в то же время существенно изменившее свою природную составляющую. Данный подход позволяет разбираться и с эволюцией социальности. На дообщественной стадии развития социальность человека формировалась природными механизмами, характерными для представителей животного мира соответствующего вида. Превращение первобытного стада в первобытное общество как раз и означало преобразование основанных на инстинктах животных (природных) механизмов социальности в механизмы общественные, основанные на использовании развивающегося общественного сознания.

При этом важно понимать, что социальность человеческого общества возникла не в результате полной отмены механизмов социальности животного мира, а вследствие его преобразования, изменения, приспособления к собственным нуждам. Общественная соци-

альность выросла из социальности природной. И как человек является существом биосоциальным, природно-социальным, а не просто социальным, так и общественная социальность представляет собой определенную смесь механизмов природной и общественной социальности. Такой подход позволяет глубже заглянуть в основы социальности человека. Важное значение имеют при этом и результаты исследований социальности животного мира. Рассмотрим некоторые из них, приведенные в работе И.А. Шмерлиной [Шмерлина, 2013].

Во-первых, социальность является универсальным феноменом жизни, свойственным как животному миру, так и человеку. «... В этологии показано, что те формы взаимодействия, которые считаются «истинно человеческими», структурируют и организуют жизнь животных, причем далеко не только приматов, но и гораздо более примитивных видов. Это заставляет предположить, что социальность является не видоспецифически человеческим, а универсальным феноменом жизни, и именно в таком качестве она должна быть осмыслена. Прежде всего – в пространстве науки, предметом которой выступает “социальное”» [Шмерлина, 2013, с. 7–8]. Причем в живой природе она возникла существенно ранее появления человеческого общества. «Все основные, элементарные формы социальной жизни появились в природе задолго до человека» [Там же, с. 88].

Во-вторых, установленные наукой социальные отношения животных, по-видимому, следует расценивать как онтологический базис общественных отношений людей. «... Современный уровень научных знаний о поведении животных не оставляет сомнений в том, что животные (причем не только высшие) обладают развитыми структурами социальных отношений, и это обязывает задуматься, в какой степени эти структуры соотносятся с социальной жизнью человека и могут рассматриваться в качестве онтологического базиса последней» [Шмерлина, 2013, с. 87]. По мнению данного автора, похожесть форм социальности свидетельствует об усвоении человеческим обществом многих социальных структур животного мира: «Аналоги родительской семьи, супружества, дружбы, родственной помощи, взаимовыгодных коалиций, иерархических структур настолько напоминают соответствующие социальные конфигурации человеческого сообщества, что, кажется, здесь можно говорить уже не об аналогиях, а об эволюционных праформах» [Там же, с. 88].

В-третьих, в современной науке сложились два подхода к объяснению причин социальности животного мира. Эти причины трактуются как порождаемые или как имманентные феномены

жизни. В первом случае социальность рассматривается как способ адаптации к внешнему миру, формирующийся в процессе биологической эволюции. И такое объяснение выглядит весьма естественным. Однако по мере все более углубленного изучения социального поведения животных многие исследователи увидели отсутствие явной практической пользы для удовлетворения тех или иных потребностей от многих социальных взаимодействий животных. В результате возникла трактовка социальности как некоего имманентного феномена жизни. «В естественно-исторической перспективе социальность представляет собой не эволюционно выработанную, но изначальную форму жизни на Земле. Она предзадана исходными геофизическими условиями жизни и может рассматриваться как оптимальный способ организации живого вещества, существующего в дискретной форме и стремящегося к безграничному воспроизводству в ситуации ограниченности ресурсной среды. В этом смысле социальность можно рассматривать как способ упорядочения доступа к ресурсам» [Шмерлина, 2013, с. 127–128].

Похожую идею ранее высказывал советский биолог В.А. Энгельгардт, относя к «коренным» атрибутам жизни «высокую степень ее внутренней упорядоченности»: «... Среди большого числа атрибутов жизни наиболее коренной особенностью живых систем является присущая им высокая степень внутренней упорядоченности, т.е. того, что обозначается как биологическая организация» [Энгельгардт, 1977, с. 332].

Таким образом, мы говорим о наличии генетического механизма социального поведения, некоего инстинкта социального поведения представителей животного мира. И этот природный инстинкт, по-видимому, в еще большей степени был свойственен и закреплён у представителей предков древнего человека. Следовательно, социальность человека начала формироваться еще на «до-человеческих» стадиях его развития и, по-видимому, уже тогда сформировала у него устойчивый инстинкт социального поведения. Вместе с этим формировались и соответствующие механизмы «до-человеческой» социальности. Соответственно, социальность человека сформировалась как взаимодействие природных инстинктов социального поведения и вновь создаваемых обществом сознательных социальных механизмов.

Иерархия – важнейший атрибут живого мира. Вслед за описанием феномена социальности следующим важным результа-

том исследований в рамках биосоциологии, на наш взгляд, стало установление главного принципа формирования социальных общностей. В качестве такового был назван принцип иерархической структуры. В частности, В.А. Энгельгардт считал иерархию одним из важнейших атрибутов животного мира: «Представление о многоступенчатости биологической организации и о соподчиненности последовательных уровней нас подводит к принципу иерархической структуры как одному из характерных атрибутов живых систем» [Энгельгардт, 1977, с. 335]. «Иерархический принцип структуры» был отнесен им к одному из четырех «типических черт биологической организации» [Там же, с. 333]. В поддержку данной позиции названный автор приводит мнения ряда известных западных ученых-биологов: Л. фон Берталанфи, П. Вейсса (давшего одному из разделов своей статьи название «Иерархии: биологическая необходимость»), К. Гробстейна, С. Патти, Дж. Нидхэма.

Интересно отметить, что в литературе встречаются даже представления о том, что иерархия является принципом построения не только животного мира, но и всей вселенской материи. В частности, по мнению Э.М. Хакимова, Ф.З. Рафиковой и Э.Н. Кузиной, «содержание понятия иерархии и ее антиномии неиерархии, их диалектическое единство и различие можно объяснить, лишь опираясь на комплексное знание, раскрывающее специфику эволюции материи, порождающей многоуровневое строение различных объектов. Подобная эволюция обуславливает появление иерархической структурной организации практически всех объектов неживой, живой природы и социально организованного человеческого общества» [Хакимов и др., 2011, с. 142].

Фундаментальное значение иерархии для человеческого общества. Установление современной биологией иерархии в качестве основной, характеристической формы социальности животного мира позволило и представителям гуманитарных наук четко определить ее значение для человеческого общества. Многими исследователями иерархия рассматривается как необходимое условие его существования. Так, А.Г. Здравомыслов утверждает, что «... отношения между людьми во всяком обществе определенным образом иерархизированы: есть “верх” и есть, следовательно, “низ”» [Здравомыслов, 1996, с. 44]. По мнению С.В. Голубева, «... наличие социальной иерархии вытекает из потребностей человека, является необходимым следствием его

«природы» и условием существования общества как социальной системы и формы деятельности индивида» [Голубев, 2012, с. 104].

И. Пригожин рассматривает иерархию в качестве необходимой основы любой организации: «... именно иерархия является универсальным принципом построения любых организационных систем. Организация и иерархия – взаимосвязанные явления общественной жизни. Организация необходима для поддержания общественного порядка, а иерархия есть по сути структура организации. Она является основой функционирования власти» (цит. по [Плотникова, 1996, с. 53]). Таким образом, мы сталкиваемся с утверждением, что любая организация основана на иерархии. Похожую позицию применительно к биосоциальным системам формулирует В.И. Красиков: «Известно, что подавляющее большинство биосоциальных систем включает в себя ту или иную степень неравенства особей (ранги), то есть имеет то или иное иерархическое устройство» [Красиков, 2010, с. 41]. Разделяет эту точку зрения и С.В. Голубев: «... наличие социальной иерархии вытекает из потребностей человека, является необходимым следствием его «природы» и условием существования общества как социальной системы и формы деятельности индивида. Иерархичность вообще, как известно, – один из основных системных принципов, характеризующих строение и функционирование системы как таковой. Причем, чем более сложной является система, тем более он значим для нее» [Голубев, 2012, с. 104].

Важное методологическое значение имеет понимание того, что иерархические отношения в человеческом обществе вырастают и развиваются из иерархии животного мира. «Иерархические отношения, – считает М.А. Степанова, – не являются «изобретением» социума, они пришли к нам из животного мира» [Степанова, 2013, с. 71]. По мнению И.А. Шмерлиной, «сопоставление иерархических отношений, существующих в природе и человеческом обществе, обнаруживает единую логику развития, идущего от преодоления неравенства к появлению все более гибких и менее фиксированных способов связи между индивидами» [Шмерлина, 2013, с. 111].

На близость механизмов формирования иерархических структур в животном мире и человеческих социальных группах в ходе обсуждения стадного инстинкта указывает М.А. Степанова: «Животному миру стадный образ жизни свойственен в большей степени. Стадный инстинкт поддерживает иерархическую систему стада, закрепляя за каждой особью определенную роль, тем самым обеспе-

чивая устойчивость, стабильность его существования. Человеческую группу в этом смысле отличают от животного стада лишь внешние признаки стадного ранжирования, сам механизм действия «стадного инстинкта» у людей фактически не отличается от животного. Типичное проявление «стадного инстинкта» в социальной группе – реагирование подчинением на «особь высокого ранга» (вожака, лидера группы)» [Степанова, 2013, с. 72].

Власть как имманентный механизм взаимодействия индивидов в иерархическом обществе. По мнению В.А. Энгельгардта, различия механизмов формирования биологической и социальной иерархий заключаются в том, что «ведущими началами в биологических иерархиях выступают элементы координирования и кооперации, а не доминирование и подчиненность» [Энгельгардт, 1977, с. 338]. Следовательно, «ведущими началами» в социальных иерархиях выступают «доминирование и подчиненность», т.е. отношения господства-подчинения или отношения власти. Также он отмечает: «В области социальных структур, откуда по существу и заимствовано понятие об иерархиях, в средневековом строе, с его королем, князьями, полководцами, рыцарями, воинами, ремесленниками, сельскими тружениками, на первое место выступали элементы власти, прав, повеления, господства, направленные всегда однозначно от высших членов иерархии к низшим, т.е. главенствовало начало подчиненности. В резкой противоположности к этому в биологических иерархиях подчиненность в преобладающем числе случаев выступает в форме контроля, при осуществлении которого важная роль принадлежит обратным связям, могущим быть направленными как сверху вниз, так и, наоборот, от низшего уровня к вышележащему» [Там же, с. 337].

Утверждения об имманентности власти любой иерархической структуре встречаем мы и в современной литературе. В частности, по мнению М.С. Глатко, «анализ современной власти невозможен без обращения к архаическому опыту построения социального тела, без выяснения того, на основании каких принципов конституировало себя древнее общество. Иерархия – порядок подчиненности низших звеньев высшим, организация со структурой пирамидального типа, где вершина – высшее звено, а основание – низшее. Так, социальная иерархия есть порядок построения отношений между людьми, порядок их общежития, модель распределения власти в сообществе» [Глатко, 2014, с. 99].

На наш взгляд, следует согласиться с утверждением М.А. Степановой о том, что «... любая социальная общность организуется и функционирует по принципу естественной иерархии. Влияние естественной составляющей отношений господства и подчинения таково, что человек вынужден становиться частью жесткой социально-иерархической системы, подавляющей его свободу. В таких условиях индивид неосознанно стремится упрочить свое положение в естественно-групповой иерархии, снижать одобрение со стороны тех, кто имеет над ним власть с одной целью: избежать опасности быть изгнанным из «стаи», поскольку это для современного человека, как и для наших далеких предков, означает гибель» [Степанова, 2013, с. 73].

По мнению В.И. Франчука, власть необходимо возникает в любой социальной группе как результат взаимодействия субъектов: «Учитывая естественное происхождение «социальных фактов», в частности, идеи бога, можно с полной уверенностью говорить о естественной природе власти, которая возникает в любой социальной группе как результат межличностных взаимодействий. Эта власть проявляется в том, что появляются лидеры, субординация, неформальная структура, распределение статусов и ролей, общие ценности и нормы, социальные институты, групповое мнение. Каждый из этих «социальных фактов» является своеобразным регулятором социальных отношений, обладающим принудительной силой. Совместное действие этих регуляторов создают феномен власти, который проявляется в виде того, что называют социальным управлением» [Франчук, 2005, с. 166]. Отметим, что автор рассматривает здесь власть как имеющий «естественную» природу «принудительный» регулятор социальных отношений. Положение о том, что социальные иерархии основаны на отношениях доминирования и подчинения (подчиненности), т.е. на отношениях господства-подчинения или отношениях власти, представляет для нас большой интерес. Важно подчеркнуть, что автор рассматривает иерархию как следствие (результат) действия отношений доминирования и подчинения и, соответственно, эти последние являются причинами иерархии.

Итак, мы установили, что необходимой всеобщей формой социального взаимодействия (социальности) является иерархия. Ее «ведущими началами», механизмами формирования являются отношения господства-подчинения (властные отношения, отношения власти или власть). Следовательно, механизмами, форми-

рующими социальность человеческого общества, являются отношения власти. Именно последние и создают иерархический характер социального взаимодействия, а вместе с этим делают иерархию единственной, необходимой, имманентной формой организации человеческого общества.

Ранее, при обсуждении деятельности, мы использовали понятие «социальных отношений» в качестве некоего элемента структуры деятельности, «ответственного» за ее «социальность», т.е. коллективный, совместный характер. Теперь мы установили, что в основе установления «социальности» или механизм ее установления являются отношения господства-подчинения или власти. Следовательно, логично утверждать, что последние таким же образом связаны и с социальными отношениями. Другими словами, власть – основной механизм формирования социальных отношений.

Универсальность власти. Идея всеобщности (универсальности) отношений господства-подчинения (власти) была сформулирована еще древними философами. Так, Аристотель восклицал: «И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, ... сказывается властвующее начало и начало подчиненное» (цит. по [Плотникова, 1996, с. 12]).

М. Вебер рассматривает принуждение в качестве основы общества: «... “Принуждение”, физическое или психическое по своему характеру, в той или иной степени лежит в основе всех видов объединения в общество» [Вебер, 1990а, с. 535].

С. Льюкс анализирует позицию французского философа М. Фуко, в которой «... власть – это всепроникающий аспект общественной жизни, и она не ограничивается сферой формальной политики или открытого конфликта. Ее также следует мыслить как продуктивную по своим эффектам, а не как репрессивную, поскольку власть формирует действия индивидов и использует их телесные силы в своих целях. В этом смысле власть действует «через» индивидов, а не «против» них и способствует конституированию такого индивида, который в то же время является ее проводником» [Льюкс, 2010, с. 130–131].

Понимание власти как основного механизма формирования общественных отношений и, следовательно, самого общества в отечественной литературе зачастую облекается в формулу о ее (власти) «универсальности». На «универсальное значение власти» указывают О.В. Плотникова [Плотникова, 1996, с. 12] и М.А. Степанова [Степанова, 2013, с. 69].

Ряд отечественных исследователей также рассматривают власть как важнейший и необходимый атрибут общественных отношений и совместной деятельности. Так, по мнению А.Г. Здравомыслова, власть «... существует везде, где есть совместная деятельность, это необходимый атрибут общественных отношений, суть которого заключается в переводе материальных и духовных интересов и сил в совместное действие. Это совместное действие обязательно предполагает определенное соотношение между властью, авторитетом, с одной стороны, и согласием с нею, ее легитимным признанием, с другой. С этой точки зрения “вездесущность” власти не является исключительным достоянием тоталитарного общества. Там, где есть авторитет и признание этого авторитета, там есть и власть. Другой вопрос, в каких формах эта власть существует, как добывается она признания и поддержки» [Здравомыслов, 1996, с. 45].

Как подчеркивает Б.И. Краснов, «власть рождается с самим общественным процессом, являясь одним из необходимых условий его функционирования. Власть есть сила направляющая, но в то же время сама порождается общественными силами, т.е. в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать. Власть неизбежна. Ее присутствие и последствия – принуждения – видны во всех отношениях между людьми» [Краснов, 1994, с. 80].

Российский философ А. Зиновьев рассматривает власть как «изначальное условие образования и сохранения» общества: «... Чтобы человеческое объединение могло жить и сохраняться как целое, оно должно обладать управляющим органом. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся носителями и исполнителями функций управляющего органа (сознания), и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Если такое разделение не происходит или делается плохо, человеческое объединение оказывается нежизнеспособным, а то и вообще распадается, погибает. Так что образование управляющего органа, то есть органа власти и управления, является изначальным условием образования и сохранения человеческих объединений» [Зиновьев, 2001, с. 412]. Обратим внимание на тезис о том, что «образование органа власти» является «изначальным условием» жизни человеческих объединений.

В.С. Кржевов универсальную необходимость власти также видит в необходимости деления общества на управляющих и управляемых: «... Отношение между управляющими и управляемыми (присущие всем социальным образованиям, включая воз-

можные коммунистические) обретает конкретную форму отношения господства и подчинения, а власть в обществе приобретает ранее ей несвойственный характер организованного насилия, т. е. становится государственной властью» [Кржевов, 1990, с. 31].

Аналогичной позиции придерживается Р.А. Емельянов: «Исторический опыт показывает, что там, где появляется необходимость в согласованных действиях людей (будь то отдельная семья, группа, социальный слой, нация или общество в целом), там происходит подчинение их деятельности достижению определенных целей. В этом случае определяются ведущие и ведомые, властвующие и подвластные, господствующие и подчиненные» [Емельянов, 2003, с. 45]. На наш взгляд, интерес представляет и мнение данного автора об имманентности отношений власти всей человеческой цивилизации: «Важно подчеркнуть, что властные отношения объективно присущи общественной жизни. Это своеобразная плата за жизнь в обществе, ибо жить в обществе и быть свободным от него невозможно. Другими словами, без отношений власти человеческая цивилизация невозможна» [Там же, с. 11].

В рамках иерархических отношений устанавливаются разные общественные статусы участников совместной деятельности, которые определяют различные права и обязанности членов общества. В том числе одни члены общества получают права командования другими его членами. Основным механизмом взаимодействия индивидов становится механизм «господства-подчинения». По мнению некоторых исследователей, этот механизм пронизывает все отношения общества. Так, М.А. Степанова отмечает: «...механизмы господства и подчинения, будучи универсальной формой группового взаимодействия, обнаруживаются на всех уровнях человеческих объединений – от семьи до государства» [Степанова, 2013, с. 69].

Итак, из имманентности иерархической структуры человеческого обществу следует и имманентность ему отношений власти. Следовательно, без отношений власти невозможно возникновение общества. Посредством власти обеспечивается совместность деятельности людей. Власть является универсальным механизмом формирования общества, т.е. общественных отношений. Отношения власти формируют все типы и виды социальной деятельности, поскольку являются главными и единственными механизмами создания соответствующих типов и видов социальных отношений. Других механизмов такого рода, не связанных с властью, нет.

Неравенство и власть. В нашей логике необходимое наличие власти в обществе выводится из установленного факта иерархического характера основных форм социальности. В литературе зачастую причиной власти называется факт неравенства взаимодействующих субъектов. В результате порой власть характеризуется в качестве «неравных социальных отношений». В частности, такую точку зрения излагает А. Турен: «Свойство социального действия заключается в том, что оно всегда анализируется в терминах неравных социальных отношений (власть, господство, влияние, авторитет)» [Турен, 1998, с. 93].

Многие исследователи видят причину возникновения власти в объективно существующем социальном неравенстве. Это может быть неравенство физических или интеллектуальных способностей, социальных связей, богатства и т.п. По мнению В. Волкова, «в ситуации неравенства сил сам факт наличия превосходящей силы делает возможным отношения принуждения как способности определять действия другого лица или группы. В этом случае мы имеем политическую власть в ее классическом понимании. Другая возможность, предоставляемая силовым превосходством, – конвертация потенциального насилия в любое материальное благо» [Волков, 1999, с. 45].

В развернутом виде идея неравенства как основы власти сформулирована Г.В. Пушкаревой: «...в основе подчинения одного человека другому лежит неравенство: неравенство естественное (физиологическое, интеллектуальное и т.п.) и неравенство *социальное* [выделено нами – А. Е.] (статусное, экономическое, образовательное и т.п.)» [Пушкарева, 1995, с. 85].

2.2. Власть – основа социальных отношений

Сущность (определение) власти. В последние несколько десятилетий из всех общественных наук именно теоретическая социология наиболее активно обращалась к изучению феномена власти. В социологической литературе активно разрабатывалось и само понятие власти. Так, Т. Парсонс определяет власть как «способность принимать и «навязывать» решения, которые обязательны для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их статусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями. Власть следует отличать от влияния, так как

издание обязывающих решений совсем не похоже на меры убеждения» [Парсонс, 1997, с. 31]. В другом своем определении автор делает ударение на механизмы реализации власти: «... власть есть особая форма применения силы, включающая возможность принуждения» [Парсонс, 2000, с. 175].

Аналогичное определение власти приводит В.Г. Ледаев: «... власть можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями» [Ледаев, 2001, с. 268]. Полезно привести и другое его соображение: «Анализ современных значений и происхождения слова «власть» позволяет выделить семантическое поле «власти» как социального понятия и указать на некоторые его характеристики. Семантическое поле «власти» целесообразно ограничить следующими значениями:

- способность влиять на что-то, способность сделать что-то;
- право распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо;
- могущество, господство, сила;
- право управления государством, политическое господство, права и полномочия государственных органов» [Там же, с. 265].

По мнению У. Феля, «власть – это возможность в рамках социальных отношений реализовать свою волю даже против возражений, на чем бы эта возможность не основывалась» [Анализ..., 2006, с. 236].

Таким образом, властью, властными отношениями можно назвать основанную на господстве-подчинении форму взаимодействия индивидов. В чем суть такого взаимодействия? Рассмотрим случай основанного на господстве-подчинении взаимодействия двух индивидов. Тогда имеет место господство одного из них и подчинение другого. Это означает, что один из них берет на себя право принятия решений относительно совместных действий, т.е. он осуществляет волевые действия и обладает волей. При этом другой индивид подчиняется доводимым до него решениям первого субъекта, он не участвует в принятии и выработке решений о совместной деятельности, следовательно, его действия не являются волевыми. Такой тип взаимодействия часто называют господством-подчинением, а соответствующий им тип социальных отношений – отношениями господства-подчинения. Данный тип взаимодействия является широко распространенным фактом реальной действительности. На его основе формируются все группы индивидов (сообщества).

В данной форме взаимодействия индивиды подразделяются на субъекты (господствующие индивиды) и объекты (подчиненные индивиды) власти. Наличие подчиненных предполагает наличие господ. Не может быть господ без подчиненных (зависимых) и подчиненных без господ. Поэтому термины «отношения подчинения», «отношения господства-подчинения», «отношения иерархического типа», а также «власть», «властные отношения», «отношения власти» для нас являются синонимами. Зачастую одновременное использование этих тождественных терминов затрудняет понимание смысла предлагаемого текста.

Следует отметить, что в литературе иногда названные категории трактуются по-разному. К наиболее известным различиям можно отнести трактовку понятий «господство» и «власть» М. Вебером. Как отмечает М.А. Степанова, «Согласно Веберу, не всякая власть является господством, которое есть «процесс реализации власти». Господство предполагает определенную вероятность того, что приказы руководителей встретят у подчиненных готовность их выполнить. Таким образом, отношения господства и подчинения реализуются в условиях «взаимных ожиданий»: руководитель ожидает, что его распоряжение будет беспрекословно исполнено, а подчиненные, в свою очередь, считают, что руководитель имеет право отдавать такие распоряжения. Другими словами, властные отношения переходят на уровень «господство-подчинение», когда они оцениваются их участниками как легитимные» [Степанова, 2013, с. 70]. Далее автор приводит определение господства, которое мало чем отличается от рассмотренных выше понятий власти: «В самом общем смысле господство можно определить как «распоряжение человеческими действиями». В социологии и социальной философии под господством понимается институциональная форма общественных отношений, характеризующихся подчинением одной социальной группы другой на основе их экономического, политического либо социального неравенства» [Там же, с. 69].

Ресурсы власти. Возможность одних индивидов навязывать свою волю другим предполагает наличие различного рода неравенств между ними. Эти неравенства объективны и проявляются в различных характеристиках индивидов. Так, имеются неравенства в физической силе, умственных способностях, принадлежащей собственности и т.п. В определенных условиях эти объективно существующие неравенства индивидов становятся источниками или

ресурсами власти. При этом, как отмечает В.Г. Ледяев, «не все имеющиеся в распоряжении субъекта средства воздействия на объект являются ресурсами власти, а лишь те, которые могут обеспечить подчинение объекта. Ресурсы власти многообразны. Некоторые из них (знания, умения, воля, физические способности и т.д.) являются обязательными для любых властных отношений, без них субъект не может реализовать свой потенциал власти (общую совокупность всех ресурсов) и трансформировать его во властное отношение» [Ледяев, 2001, с. 271].

При этом каждый отдельный ресурс имеет собственный способ использования. По мнению В.Г. Ледяева, «Способы воздействия ресурсов власти на объект различны; поэтому не существует универсальной схемы, объясняющей механизм подчинения. Предлагаемые рядом исследователей объяснения действий ресурсов власти имеют ограниченную сферу использования и не вполне применимы к манипулятивным и силовым формам власти» [Ледяев, 2001, с. 271].

Различные ресурсы власти могут формировать и поддерживать друг друга. Так, преимущество в физической силе или интеллекте будет способствовать формированию неравенства в распределении продуктов и тем самым формировать экономические формы власти. В каждом обществе различные ресурсы и проявления власти складываются в определенную систему.

Волевые и неволевые действия отдельных индивидов. Установление фундаментального факта иерархического характера общества позволяет утверждать, что основой всех типов отношений между индивидами могут быть только отношения господства-подчинения или власти. Выше было рассмотрено последнее понятие. Далее мы хотим понять, какие механизмы (средства) создают в обществе такую систему отношений, «захватывая» в нее отдельных индивидов. Для этого прежде всего следует выявить основные механизмы и принципы формирования поведения отдельных индивидов, на базе которых впоследствии может появиться возможность выделения механизмов вовлечения индивидов в совместную деятельность.

Развитие общества обуславливается наличием технологических знаний и ресурсов, а также определенной совокупностью (системой) социальных отношений. В эту систему входят и общественные отношения, под которыми мы понимаем механизмы формирования мотивов вовлечения индивидов в коллективную

деятельность. Для понимания этих механизмов прежде всего необходимо уяснить, как отдельный индивид принимает решение об участии или неучастии в какой-либо деятельности. Здесь нельзя обойтись без наработок психологии, которая вплотную занимается изучением данных процессов.

Стараясь понять поведение человека, в том числе и его разнообразное участие в коллективной деятельности, следует прежде всего отталкиваться от наиболее важного отличительного свойства (признака) человека разумного, а именно – его сознания. Как правило, действия, которые осуществляет индивид, предварительно «проигрываются», оцениваются в его голове, т.е. они носят осознанный характер. Это означает, что прежде чем приступить к тем или иным действиям, индивид в своем сознании оценивает их целесообразность и принимает решение об их осуществлении. Его способность делать это психологи называют волей, а соответствующие действия – волевыми действиями. По мнению выдающегося советского психолога А.Н. Леонтьева, «... волевое действие – это действие, осуществляемое по выбору. Выбор есть признак волевого действия. Где нет выбора, там нет волевого действия. Если же мы говорим о выборе, то естественно ввести еще одно понятие – принятие решения. Волевой акт есть действие в условиях выбора, основанное на принятии решения. Вот вам и развернутая характеристика волевого действия» [*Леонтьев, 1993, с. 5*].

Выделение волевых действий индивидов позволяет утверждать, что наряду с ними существуют и альтернативные им, «не волевые» или подчиненные действия. Суть этих действий в том, что право принятия решения относительно выбираемых вариантов своих действий один индивид передает (или его заставляют передать) другому. Как видно, подчиненные действия возникают в процессе совместной деятельности индивидов. Однако возникает вопрос: а как формируется воля?

Общая схема процесса принятия отдельным индивидом решения о действиях. Данная проблема широко рассматривалась в рамках психологии и теоретической социологии. В нашем исследовании мы будем использовать некоторые полученные ими результаты. Напомним, что мы хотим объяснить механизм выбора индивидом того или иного действия. Само действие рассматривается нами как элемент системы человеческой деятельности. Оно осуществляется посредством использования различных органов

тела индивида. В современной литературе индивид, осуществляющий действия, часто именуется «актором». Мы также будем пользоваться данным термином.

Многие исследователи для объяснения процесса принятия решения об осуществлении (или неосуществлении) действий отдельными индивидами опираются на следующие установки. Прежде всего, выделяются две группы – внешние и внутренние – основных факторов этого процесса. К внешним факторам относится окружающая среда, в которой актер осуществляет свое функционирование. К внутренним факторам относятся элементы сознания, которые обеспечивают процесс принятия решения об осуществлении определенных действий. Мы выделим три категории, характеризующие ментальное состояние индивида, а именно: ценности, мотивы и цели (рис. 2.1.). А. Филиппов отмечает, что «наблюдаемой социальной реальностью являются именно действия и что эти действия имеют различные мотивы, как основные и дополнительные, так и сопологаемые, имеющие отношение к интерпретации смысла...» [Филиппов, 2012, с. 23].

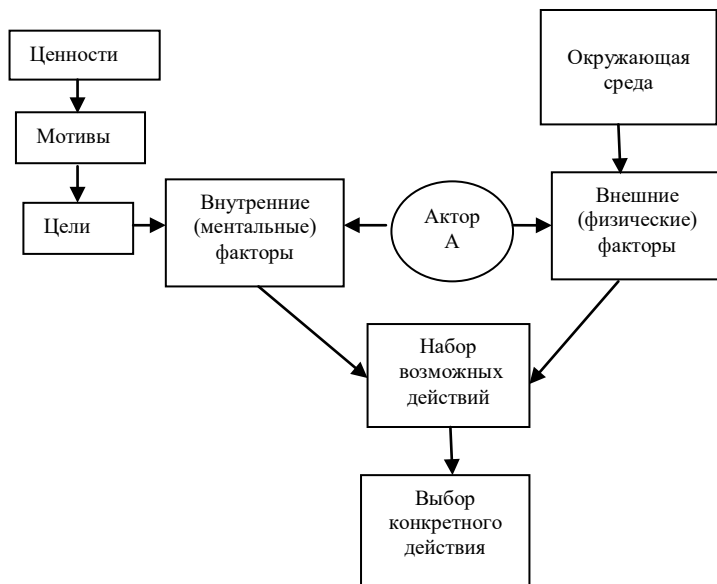

Рис. 2.1. Общая схема процесса принятия актором А решения о действиях

Кратко взаимодействие этих элементов может быть сформулировано следующим образом: индивид (актор), действующий в условиях определенной окружающей среды, осуществляет то или иное действие, выбранное им из определенного набора возможных действий. Критерием выбора конкретного действия является его способность реализовать определенную цель. Последняя определяется соответствующим мотивом, проистекающим из системы ценностей данного индивида. После того, как названные ментальные элементы системы действия прорабатываются сознанием и формулируются в виде его решения, воли, мозг отдает приказ для ее телесного, физического осуществления. Человеческий организм совершает необходимые для реализации принятого решения действия.

Главная мысль, которую мы хотели бы сформулировать, используя максимально упрощенное выражение связи названных категорий, заключается в настоятельной необходимости их совместного использования для понимания сути процесса принятия решения индивидом. Как внешние, так и внутренние факторы играют важную роль в ходе осуществления действия. Их изменения могут привести и к изменениям выбранных актором действий.

Общая схема установления отношений господства-подчинения в процессе коллективных действий акторов. Рассмотрим теперь действия не отдельного, а группы (сообщества) индивидов. Существование «неволевых», подчиненных действий и соответствующих им отношений господства-подчинения между индивидами, осуществляющими совместную деятельность в сообществах, подтверждается эмпирически. Общественная практика повсеместно обнажает присутствие такого рода отношений. Далее логически возникает вопрос о том, каким образом, посредством каких механизмов, инструментов и приемов данные отношения становятся возможными. Другая формулировка данного вопроса: как возможно добиться подчинения воли одного индивида и перехода его сознания под контроль другого?

Выше мы рассмотрели общую схему формирования воли как элемента сознания отдельного индивида, а точнее общую схему процесса принятия им решения. Отталкиваясь от нее и ее основных элементов, определяющих волевые действия отдельных индивидов, мы попытаемся увидеть механизмы установления господства одних и подчинения других индивидов. По-

сколькx воля отдельного индивида формулируется под влиянием названных выше четырех элементов, постолькx и подчинение этой воли, т.е. подавление ее волей другого (господствующего) индивида, будет определяться способностью последнего воздействовать на них.

Выше мы отмечали, что человеческая деятельность имманентно является коллективной. Следовательно, для понимания действий отдельных акторов необходимо рассматривать их в качестве элементов совместного действия. В процессе взаимного действия и возникает взаимное влияние акторов. Каким образом один актор может воздействовать на поведение (выбор действий) другого, т.е. подчинить его? Попробуем рассмотреть этот вопрос на основе нашей общей схемы (рис. 2.2) посредством введения в нее второго актора (соучастника).

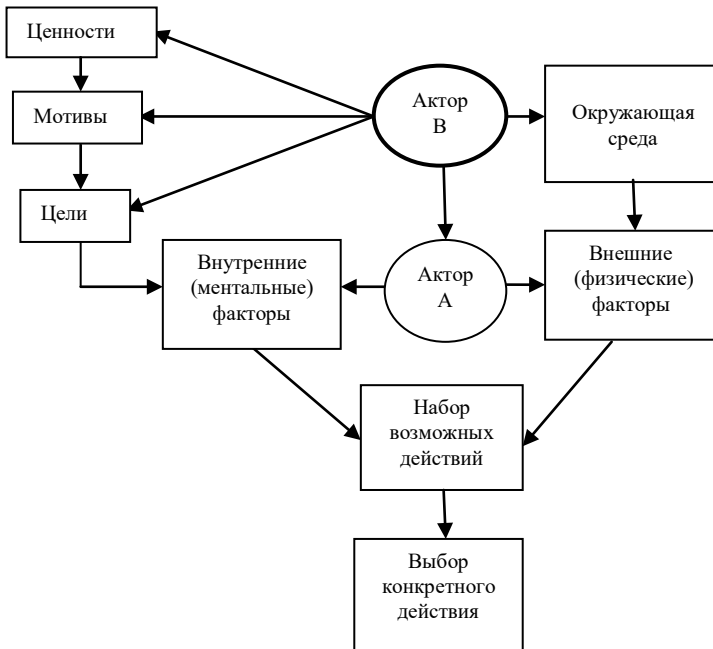

Рис. 2.2. Общая схема подчинения актора А актору В

Таким образом, мы имеем взаимодействующих акторов *A* и *B* и хотим рассмотреть, как один из них (актор *B*) может подчинить себе действия (поведение) первого (актора *A*). Рассмотрение общей схемы принятия решения актором *A* позволило выделить две группы факторов, формирующих этот процесс: 1) окружающую среду; 2) ментальные составляющие (ценности, мотивы и цели). Актор *B* может влиять на поведение актора *A*, воздействуя на обе группы названных факторов.

Прежде всего, сам этот действующий актер *B* является одним из элементов окружающей среды актора *A*. Следовательно, своими действиями он может изменять окружающую среду актора *A* и тем самым формировать изменения его поведения. Кроме этого, актер *B* может пытаться воздействовать на ментальные факторы актора *A*, т.е. на его ценности, мотивы и цели. Это может быть достигнуто как за счет изменения окружающей среды, так и посредством действий специального характера.

Принуждение и солидарность как основные механизмы организации отношений господства-подчинения (власти). Установление массовых фактов иерархической структуры социальных объединений констатирует и необходимое наличие в них отношений господства-подчинения (власти). Далее возникает вопрос об основных принципах этого господства. На него отчасти отвечает классик американской социологии Дж. Коммонс: «... единственной процедурой, которая могла бы *соотнести* желания и страхи каждой из сторон и предотвратить анархию, является обращение к третьему, вполне земному, лицу, которому каждая сторона соглашается подчиняться (или же ее *принуждают* [выделено нами – А. Е.] подчиниться). ... Индивиды с противоположными интересами или убеждениями не всегда могут договориться об их соотнесении, но это соотнесение необходимо для того, чтобы удержать вместе составные элементы коллективной воли. Этика – это анархия, закон – это порядок, а соотнесенность прав и обязанностей является не логическим умозаключением, как нередко полагают, а принуждением со стороны правительства» [Коммонс, 2011, с. 100]. Как мы видим, автор утверждает, что объединение сторон взаимодействия возможно в случаях, когда они «соглашаются подчиняться» или когда их «принуждают» к этому. В первом случае имеет место механизм солидарного взаимодействия индивидов, во втором – механизм принуждения.

В работах классиков теоретической социологии данная проблема формулируется как проблема выявления основных способов взаимоотношений людей в обществе. Различные исследователи приходят к выделению названных двух альтернативных способов или принципов человеческого взаимодействия: принуждения и солидарности. Приведем некоторые точки зрения.

К. Маркс выделяет три основных конкретно-исторических способа взаимоотношений людей в обществе. Речь идет: 1) об отношениях личной зависимости; 2) об отношениях личной свободы, основанных на вещной зависимости (частной собственности); 3) об отношениях личной свободы, основанной на общественной собственности. Все эти способы представляют собой важнейшие исторические этапы социального развития. «Отношения личной зависимости, – пишет К. Маркс – (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних способностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние – такова третья ступень» [Маркс, 1968, с. 100–101].

Нетрудно заметить, что названная третья форма взаимоотношений людей, по мнению К. Маркса, должна возникнуть в будущем. Следовательно, в прошедшей истории он увидел лишь два способа (механизма) общественных взаимоотношений: «личную зависимость» и «личную свободу, основанную на вещной зависимости».

Использованный К. Марксом принцип бинарности форм взаимоотношений людей в обществе типа «личная зависимость – личная независимость (свобода)» впоследствии встречается в работах многих исследователей и используется для выделения различных типов общественных отношений. Так, немецкий социолог Ф. Теннис выделяет общественные отношения «товарищеского типа» и отношения «по типу господства». Он отмечает, что социальные отношения бывают «... разными в зависимости от того, является ли их предпосылкой фактическое (более или менее со-

вершенное) *равенство* или *существенное неравенство* между волею и способностью мочь, властью и авторитетом. В соответствии с этим различаются социальные отношения товарищеского типа и социальные отношения по типу господства» [Теннис, 1998, с. 223]. Неравенство между членами общества выступает основой отношений «по типу господства», т.е. какой-либо из форм принуждения. Напротив, равенство индивидов в обществе, т.е. их независимость от кого бы то ни было, означает свободу и требует наличия соответствующих общественных механизмов (форм организации общества) по типу солидарности.

Американский социолог П. Сорокин выделяет «солидарные» и «антагонистические» общественные отношения [Сорокин, 1992, с. 201]. Аналогичное понимание встречается и в работах представителя австрийской экономической школы Л. фон Мизеса. По его мнению, «существует два вида общественного сотрудничества: сотрудничество посредством договоров и координации и сотрудничество посредством команд и подчинения или гегемонии» [Мизес, 2005, с. 185]

Принуждение имеет место, когда один из участников взаимодействия навязывает свою волю другому, вопреки интересам последнего. В этой ситуации подчиненный индивид лишен статуса субъектности. Иная ситуация имеет место в случае солидарности. Напомним, что участие индивида в совместной деятельности называется «волевым действием», если оно (участие) является результатом принятого им решения. Совместная деятельность группы индивидов, каждый из которых обладает волей (является субъектом), возможны только в том случае, если все они пришли к необходимости коллективных действий и приняли соответствующие решения. Тип коллективного действия индивидов, в котором все участники наделены волевыми качествами, в литературе называют солидарностью или солидарными действиями, а механизмы формирования мотиваций объединения волевых действий индивидов (актеров) – отношениями солидарности. Солидарность предполагает субъектность всех участвующих во взаимодействии индивидов.

Важно отметить, что добровольный характер участия индивида в совместных действиях еще не гарантирует его субъектность. Так, добровольное согласие может возникнуть в результате стремления избежать применения каких-либо негативных санкций. Индивид соглашается вступить в зависимые отношения, рас-

сматривая их как меньшее зло по сравнению с последствиями других вариантов поведения. В результате возникают сложности в различении действительно солидарных и принудительных действий. На эти сложности указывает П. Сорокин: «...Какие отношения являются солидарными, а какие антагонистическими, определяется не столько природой открытых действий и реакциями, сколько их внутренними значениями. Открыто мы можем различать действия и реакции лишь в смысле пространственного подхода сближения, расхождения и отвлечения от участников взаимодействия» [Сорокин, 1992, с. 201].

По мнению Т. Парсонса, солидарное поведение членов общества обеспечивается наличием определенных механизмов. Среди них он выделяет лояльность по отношению к коллективу (готовность откликнуться на призыв, сделанный от лица коллектива или во имя «общественного» интереса или потребности). Более важная роль отводится культурной легитимизации нормативного порядка, которые формируют ценностные ориентации (и соответствующие обязательства индивидов), включая мораль, эстетические, познавательные или религиозные ценности. Механизм влияния одних членов сообщества на других также выступает средством формирования солидарного поведения. Влияние и ценностные приверженности действуют в процессе формирования солидарного поведения по принципу добровольности, через убеждение и апелляцию к морали, чести и совести и т.п.

Мы рассмотрели принуждение и солидарность в качестве альтернативных механизмов вовлечения индивидов в совместную деятельность. Как всегда между крайними, противоположными явлениями располагается множество промежуточных состояний, характеризующихся различными их сочетаниями. Эти промежуточные между принуждением и солидарностью состояния механизмов взаимодействия индивидов Т. Парсонс определил как влияние. По его мнению, «положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его престижа или способностью оказывать влияние. Последнее мы рассматриваем как одно из обобщенных символических средств социального обмена, наряду с деньгами и властью. Оно состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, не предъявляя им в качестве соблазна какого-то ценного *quid pro quo* и не угрожая им какими-либо пагубными последствиями. Это влияние должно действовать через убеждение объекта

воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы. Типичным случаем использования влияния является уговаривание вступить в контрактные отношения, основанные на «честном слове», или проголосовать за определенного политического кандидата» [Parsons, 1997, с. 27].

Примат принуждения в отношениях господства-подчинения (власти). Итак, в теории выделяются два основных механизма господства-подчинения (власти) и, соответственно, принципа организации общества: принуждение и солидарность. Теперь необходимо сравнить их значение для человеческого общества. Многие исследователи подчеркивали определяющую роль принуждения и даже применения силы (насилия) в механизмах власти при формировании совместной деятельности людей.

Человеческое общество выработало сложные системы и механизмы своего совместного существования, механизмы объединения деятельности отдельных индивидов. Одним из исследователей таковых механизмов являлся П. Сорокин. Прежде всего, он выявил факт «замирности» общественной среды: «Какую бы мы, однако, социальную группу ни взяли – будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь – все эти группы, как надындивидуальные единства, представляют «замирную среду», с определенной организацией, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов. Ни в какой постоянной группе нет непрерывной внутригрупповой войны всех против всех, а, напротив, нормальным состоянием ее является консенсус взаимного поведения ее членов» [Сорокин, 1992, с. 142].

Таким образом, был сделан вывод о наличии в социальных группах определенных систем взаимоотношений, которые он называл групповой «организацией»: «Как бы то ни было, но свидетельство фактов дает нам группы в виде замирных кругов. В каждой группе имеется определенный порядок взаимоотношений, требующихся от каждого члена, и определенное распределе-

ние прав и обязанностей каждого соучастника группы. Этот официально групповой шаблон поведения, проявляющийся в постоянстве отношений, и составляет то, что называется ее «организацией». Он представляет собой как бы «костяк» или «скелет» группы, на котором дальше выводятся другие, более детальные узоры поведения. Во всех группах подобный «костяк» или организация даны» [Сорокин, 1992, с. 142–143].

По мнению П. Сорокина, групповая организация становится возможной по мере формирования определенных механизмов и правил общественного взаимодействия. Появление этих правил основано на выработке трех основных компонентов социокультурных явлений: значений, ценностей и норм. «...Значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений» [Сорокин, 1992, с. 205].

При этом формирование состояния «замирения», как правило, происходит с использованием механизмов принуждения. Как подчеркивает П. Сорокин, «...Наш ответ на вопрос: как возможно бесконфликтное и мирное взаимоотношение членов группы друг к другу при наличии конфликтного состояния их норм должного поведения? – гласит: оно возможно благодаря соединенному действию мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград» [Сорокин, 1992, с. 146].

По мнению этого автора, если в социальной группе появляются различные представления о возможных формах взаимодействия, то существуют три выхода из создавшегося положения: 1) разделение группы на две или более частей; 2) жесткая борьба и последующее уничтожение одной из сторон; 3) жесткая борьба и последующее подчинение одной из сторон. В последнем случае «разгоревшаяся борьба кончается не полным уничтожением более слабой стороны, но насильственным подчинением ее победителям; победители силой принуждают побежденных поступать так, как требуют шаблоны поведения первых. В этом случае единство группы или общества остается, но оно основывается не на «добровольном» согласии всех членов поступать определенным образом, не на консенсусе представлений должного поведения всех членов группы, а на насильственном принуждении одних другими. Равным образом из двух различных столкнувшихся групп может возникнуть одна группа, основанная на том же принужде-

нии... Средствами «принуждения» являются те или иные акции и реакции, положительные или отрицательные, сознательно или бессознательно устанавливаемые» [Сорокин, 1992, с. 147–148].

Автор подчеркивает, что первые два из рассмотренных выходов «...являются более редкими, чем третий исход, а именно: насильственное подчинение одной части группы другой и насильственное принуждение более слабой части к тому поведению, которое согласно с моральными воззрениями более сильной части. Средствами принуждения являются карательные и наградные акты. Они делают возможным монистически-бесконфликтное поведение внутри группы и мешают гетерогенно-конфликтному поведению» [Сорокин, 1992, с. 148–149].

Аналогичные механизмы действуют в ситуациях присоединения побежденных племен к победителям в результате военных столкновений. Победители должны были подчинить побежденных. «Единственным средством подобного подчинения, – пишет П. Сорокин, – было не что иное, как принуждение, базирующееся на соединении мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград. Жестокость, кнут, физические пытки, убийство в случае малейшего неповиновения, с одной стороны, подачи, милости и вообще те или иные наградные акты, – с другой, – вот те средства, которые практиковались в том или ином виде в таковых случаях. Только при их наличии возможно было присоединение группы побежденных к группе победителей и образование из двух или большего числа групп нового, более обширного агрегата» [Сорокин, 1992, с. 152].

Таким образом, по мнению П. Сорокина, принуждение является решающим и единственным механизмом обеспечения единства социальной группы, в особенности на ранних этапах развития социальных общностей. Поскольку, как правило, социальная группа привязана к определенной территории, то и механизм принуждения нацеливается на решение двух основных проблем: 1) защиту территории от внешних врагов; 2) устранение насилия и конфликтов внутри территории и группы. Таким образом формируется процесс возникновения территориальных монополий силы, который некоторые авторы считают законом истории.

На необходимость принуждения в процессе формирования взаимной человеческой деятельности указывает и другой известный американский социолог Т. Парсонс: «Ни одна крупная и сложная социальная система не сможет выжить, если согласие с

большей частью ее нормативных оснований не будет носить обязательного характера, то есть если к непослушанию не будут применяться по ситуации негативные санкции. Такие санкции отчасти и предупреждают непослушание тем, что «напоминают» добропорядочным гражданам об их обязанностях и служат наказанием для нарушителей. Социально организованное и управляемое применение негативных санкций, включая угрозу их применения в случаях, когда подозревается наличие намерения ослушаться, называется функцией принуждения» [Парсонс, 1997, с. 29–30].

Формирование специфического аппарата принуждения. Необходимость принуждения членов общества к совместной деятельности потребовала выделения в нем специфического аппарата принуждения. Это отмечают многие исследователи. В частности, по мнению М Вебера, «растущая от ступени к ступени склонность к «мирному» урегулированию споров, вытесняющая применение физической силы, лишь отодвигает ее на задний план, будучи неспособна полностью исключить ее из отношений между людьми. Лишь в ходе исторического развития применение силы все более монополизировалось аппаратом принуждения *одного* определенного типа общественного объединения или общества, основанного на согласии, а именно политического, которое преобразовало его сначала в упорядоченную угрозу принуждения со стороны могущественных людей, а затем формально нейтральной власти» [Вебер, 1990а, с. 535]. Таким образом, легитимное применение силы в обществе закрепились не за отдельными людьми, а за формально нейтральными органами политической власти.

Осуществление «управляемого принуждения», как считает Т. Парсонс, потребовало создания определенной системы специальных органов принуждения: «Управляемое принуждение требует существования определенных способов установления действительного факта, субъекта и обстоятельств нарушения норм. Среди специальных органов, действующих в этом направлении, важное место принадлежит судам и юридической гильдии. Сложный нормативный порядок, однако, нуждается не только в принуждении, но и в авторитетной интерпретации. Очень часто судебные системы вынуждены сочетать в особых случаях определение обязательств, наказаний и пр. с интерпретацией значе-

ния норм, что подчас является довольно значительной проблемой. В менее развитых обществах эта последняя функция имеет обыкновение оставаться в ведении религиозных инстанций, в обществах же современного типа она во все большей мере переходит в компетенцию светских судебных учреждений» [Парсонс, 1997, с. 30].

Автор подчеркивает, что выделение специальных органов принуждения находится в русле фундаментального процесса общественной дифференциации: «Чем более дифференцировано общество, тем скорее можно ожидать, что принуждение осуществляется специальными органами, такими, как полиция и военизированные службы» [Парсонс, 1997, с. 30].

Необходимость вычленения в обществе специального аппарата, обеспечивающего действие отношений господства-подчинения, отмечается и в российской литературе. В частности, по мнению М.А. Степановой, «...господство-подчинение» как тип общественных отношений есть процесс осуществления власти, характеризующийся наличием институциональных форм и предполагающий расчленение общества на господствующие и подчиненные группы, а также выделение и обособление особого управленческого аппарата» [Степанова, 2013, с. 70].

Г.В. Пушкарева считает социальное неравенство основой институционализации власти: «Власть, возникающая на основе естественного неравенства, всегда носит характер межличностного взаимодействия, всегда персонифицирована. Мы подчиняемся в данный момент конкретному человеку.... Власть, основанная на социальном неравенстве, утрачивает свою персонифицированную форму... Причина устойчивости такой власти – в ее институализации. Власть, основанная на социальном неравенстве, является социальным институтом. ... Власть – это один из важнейших видов социального взаимодействия...» [Пушкарева, 1995, с. 85].

Собственность как вид отношений господства-подчинения (власти). Что есть отношения собственности (здесь и далее мы будем называть их собственностью)? По одному из определений, это отношения по поводу распределения в обществе материальных ресурсов (объектов собственности) между членами общества (субъектов собственности) в их полное распоряжение. Можно сказать, что собственность – это власть людей над вещами. Однако, как очевидно, за этой властью над вещами стоит

власть над людьми. Действительно, собственность индивида означает запрет на действия других членов общества по отношению к определенной вещи. Собственность над вещью означает власть над поведением других индивидов по отношению к данной вещи, ограничение данного поведения. Следовательно, можно сказать, что отношения собственности (власть над вещами) есть форма отношений господства-подчинения (власти людей над людьми) или модификация этих отношений. Если я являюсь собственником какого-либо товара, то это означает, что я могу устанавливать запрет на поведение других индивидов по отношению к этой вещи. Следовательно, я в какой-то степени подчиняю их своей воле, т.е. властвую над ними. И чем важнее объект моей собственности для жизни общества, тем больше степень моего властвования. В определенной ситуации отношения собственности могут приводить к возникновению так называемой «вещной зависимости».

Отношения собственности не просто являются формой отношений господства-подчинения (власти). Власть является необходимым условием возникновения отношений собственности. Отсутствие власти людей над людьми делает невозможным власть людей над вещами, поскольку всегда могут появиться другие люди, не признающие эту форму власти (собственность).

Как возникают отношения собственности и, соответственно, социальные группы собственников? По нашему мнению, отношения собственности в обществе возникают в результате действия отношений господства-подчинения (власти). Любое сообщество имеет иерархическую форму, т.е. оно основано на строгой вертикали отношений господства-подчинения (власти). Каждый член общества приобретает определенный статус и соответствующие ему технологические и социальные роли. В любом обществе выделяется господствующая социальная группа, которая берет на себя функции управления социальной деятельностью данного общества. Для этого она должна распределить имеющиеся ресурсы (человеческие и материальные) между различными видами деятельности. Распределение человеческих ресурсов осуществляется на основе сложившихся в обществе отношений власти посредством различных процедур командования людьми. Для распределения материальных ресурсов господствующая группа создает определенный порядок доступа к ним членов общества. Этот порядок и называется «отношениями собственности», и в развернутом виде он может быть определен как отношения между чле-

нами общества по поводу «прав доступа к материальным ресурсам», или «прав пользования материальными ресурсами», или «распределения ресурсов в их полное распоряжение». Очевидно, что господствующие властные группы не только декларируют определенную систему отношений собственности, но берут на себя ответственность за ее функционирование, т.е. используют власть для ее защиты. Таким образом, отношения собственности есть продукт и форма отношений господства-подчинения (власти). Власть создает и обеспечивает развитие отношений собственности. Без власти нет собственности. Установление отношений собственности является одной из необходимых функций власти.

Близкую позицию мы встречаем у Ю.М. Осипова, который трактует отношения собственности в качестве разновидности власти – хозяйственной власти: «Собственность – это хозяйственная власть. Способ хозяйства есть так или иначе способ распределения, выражения и применения хозяйственной власти. Чтобы хозяйствовать, надо владеть возможностью хозяйствовать, надо владеть всем (целостным) процессом хозяйствования. Без такого хозяйственного владения нет способа хозяйства» [Осипов, 1995, с. 82]. Можно привести и другое его высказывание: «Если способ хозяйства есть порядок взаимодействия сил и факторов хозяйства, то такой порядок взаимодействия в основе своей не может не определяться тем, где, в чьих руках и в каких количествах сосредоточена хозяйственная власть (энергия), на что и как далеко она влияет, к каким структурным комбинациям и функциональным реализациям приводит, как вводит в действие силы и факторы, каким образом их соединяет между собой. И еще более знаменательным для организации способа хозяйства является то, кем, как и в чьих интересах распределяются (обособляются, отчуждаются, соединяются, обобществляются) блага-продукты – как производственного, так и чисто потребительского назначения» [Там же, с. 83].

Власть – принцип (механизм) реализации социальных отношений. При обсуждении проблемы соотношения понятий «власть» и «социальные отношения» исследователи высказывают две различные точки зрения.

Первая из них заключается в провозглашении власти в качестве отдельного, особенного общественного отношения. Так, по мнению Г.В. Пушкаревой, «власть – это социальное отношение,

проявляющееся в возможности и праве одного индивида или группы принимать решения, приобретающие обязательный характер для другого индивида или группы. Другими словами, это – отношение управления-исполнения, иногда выраженное в более жесткой форме командования-подчинения» [Пушкарева, 1995, с. 85]. Аналогичной точки зрения придерживается В.В. Желтов: «...смысл власти получает свое выражение во взаимодействии между индивидом и тем или иным коллективом или как минимум между двумя индивидами. А потому власть предстает как отношение. И более того, она сама есть отношение» [Желтов, 2008, с. 21]. По мнению В.М. Цветаева, «оказывая прямое воздействие на людей, власть выступает как определенное отношение между ними, которое имеет две стороны: подчинение и согласие подчиняться. Обе стороны обязательно присутствуют в отношениях власти и могут быть обнаружены во всех общественных экономических системах. Соотношение этих сторон, а также источников и факторов подчинения и согласия важны для анализа любой экономической системы.... Это важно для выявления легитимности власти – ее признанности, а точнее – ее соответствия ценностям той общественной системы, в которой эта власть осуществляется» [Цветаев, 1993, с. 20].

Альтернативная точка зрения рассматривает власть в качестве стороны или элемента общественных отношений. Достаточно ясно эта позиция сформулирована В. Дементьевым применительно к экономическим отношениям: «Отношения власти в экономической системе не существуют в чистом виде и не обособляются в отдельное, самостоятельное отношение. Экономическая власть представляет собой сторону, элемент, аспект, свойство взаимодействий между агентами экономической системы. Власть «вплетена» в систему экономических отношений наряду с другими аспектами и характеристиками данных отношений. В этом смысле можно говорить о властной составляющей или о властном аспекте экономических отношений. Властный аспект можно выделить в отношениях собственности, обмена, найма, управления производством, в агентских отношениях, отношениях государственного регулирования экономики и др. Все эти отношения включают элемент подчинения одного агента другому» [Дементьев, 2004, с. 57].

Можно было бы согласиться с подходом В. Дементьева, в соответствии с которым власть является характеристикой определенных качеств экономических, да и в целом социальных отно-

шений. Однако суть этой характеристики данный автор выразил весьма невнятно, укрывшись за понятиями «сторона, элемент, аспект, свойство, составляющая», которая «вплетена» в систему экономических отношений. Дело в том, что в гуманитарных науках не разработаны смыслы этих понятий применительно к категориям экономических или других социальных отношений. Привлечение их для разъяснения связи социальных отношений и власти придает этому разъяснению в лучшем случае интуитивный характер, а не строгую научную логику. Впрочем, погружение в интуитивные рассуждения является весьма распространенным явлением гуманитарных исследований.

В нашей трактовке мы постараемся изложить проблему соотношения социальных отношений и власти более понятно. Для этого нам придется вернуться к обсуждению сущности этих понятий. В их основе в данной работе лежат категории «социальность» и «иерархия» соответственно, которые характеризуют необходимые, имманентные характеристики социальной деятельности и общества. Любой деятельности присуща социальность (она совместна, коллективна), и осуществляющие ее сообщества имеют иерархическое строение.

Социальные отношения мы определили как элемент системы деятельности, обеспечивающий вовлечение в нее отдельных индивидов. Таким образом, эти отношения «ответственны» за обеспечение социальности деятельности. При этом необходимой формой такой социальности является иерархический характер: в обществе должны установиться (сформироваться) отношения господства-подчинения (власти). Следовательно, социальные отношения должны не просто «вовлечь» индивидов в совместный процесс, но и обеспечить (придать) этому процессу иерархическую форму. Стало быть, не все механизмы (средства), способные вовлечь людей в совместный процесс, могут выступать в качестве социальных отношений, а только те, которые одновременно обеспечивают его иерархическую форму.

Таким образом, социальные отношения должны обеспечить два свойства социальной деятельности: 1) социальность; 2) иерархичность. Выявление социальных отношений с данными свойствами осуществляется в процессе естественного отбора. Если функционирующие в сообществе отношения не в состоянии обеспечить первое свойство, то не складывается совместная деятельность. Если они не обеспечивают второго свойства, то не

возникает иерархия. И в том, и в другом случае общество (социальность) либо не сформировывается, либо разваливается. Устойчивые сообщества могут функционировать только на основе социальных отношений с двумя названными свойствами.

Следовательно, необходимым (имманентным) свойством социальных отношений является создание ими отношений господства-подчинения (власти). Можно утверждать, что власть (господство-подчинение) является принципом действия социальных отношений. Построение последних на основе других принципов не приведет к формированию иерархии и, вместе с этим, к появлению сообщества. Таким образом, в данной трактовке власть выступает в качестве имманентного свойства или принципа действия социальных отношений. Все реальные социальные отношения необходимо обладают этим свойством. Причиной возникновения иерархии является данное качество социальных отношений, а не действие «отдельно стоящих» отношений власти.

По мере развития деятельности происходит и развитие социальных отношений. Как известно, принципом развития деятельности является ее дифференциация: формирование и обособление отдельных сторон деятельности в отдельные виды деятельности. То же происходит и с властью. Она обособляется в отдельный тип деятельности, конкретной целью которого является обеспечение иерархии общества (армия, полиция, спецслужбы и т.п.). Организация и управление данным типом деятельности берут на себя господствующие классы и группы, наиболее заинтересованные в сохранении сложившегося статус-кво. Так формируется политическая деятельность, политическая власть и политические отношения. По мере своего развития она институционализируется: появляются соответствующие организации, формируется их профессиональный состав, законы об их функционировании и т.п. Зачастую, когда речь идет о власти, имеется в виду именно этот специфический вид деятельности. В данном аспекте власть превращается в отдельное социальное отношение, которое называют политическими отношениями.

Таким образом, мы рассмотрели власть в двух формах проявления: как принцип действия социальных отношений и как отдельный тип социальных отношений. Власть как принцип действия продолжает реализовываться в развивающихся и дифференцирующихся различных видах деятельности и социальных отношений. Соответственно, исследование проявлений власти

(отношений господства-подчинения) в различных типах деятельности должно опираться: 1) на изучение обособившегося специального типа «властной» (политической) деятельности; 2) на проявления власти как принципа действия соответствующего типа социальных отношений; 3) на взаимодействие первого и второго.

2.3. Основные методы (способы, средства) осуществления власти

Установление факта всепроникающего характера отношений господства-подчинения (власти) требует выделения способов или механизмов их осуществления. В литературе эта проблема, как правило, обозначается в качестве методов, способов или средств осуществления власти. Многогранность отношений господства-подчинения обеспечивается множественностью методов их реализации. Палитра этих методов простирается от грубого физического насилия до тонких психологических процессов убеждения и манипуляции. Как отмечает Э. Гидденс, «обращаясь к власти как источнику принуждения, еще раз подчеркнем, что она (власть) является средством достижения намеченного, ограничивая и создавая одновременно. Ограничивающие аспекты власти проявляются в виде разнообразных санкций, изменяющихся в диапазоне от прямого применения силы или насилия, или угрозы подобного применения, до мягкого и снисходительного выражения неодобрения» [Гидденс, 2003, с. 255].

Варианты типологий методов (способов, средств) осуществления власти. В российской литературе представлены различные типологии методов власти. Так, В. Желтов выделяет «жесткие» и «мягкие» средства власти: «Власть располагает различными средствами, которые могут быть либо агрессивными, либо жесткими или «мягкими», либо манипуляционными. Жестким и даже жестоким средством является насилие. В политической науке насилие рассматривается как «злая» сила, как физическое и моральное принуждение, призванное заставить индивида или определенную социальную группу действовать вопреки их собственной воле» [Желтов, 2008, с. 43]. К «жестким», силовым проявлениям власти относятся принуждение, насилие, командование, санкции и т.п. В разряд «мягких» способов осуществления власти

включаются авторитет, убеждение, обольщение и манипуляция [Там же, с. 43, 49].

В.Г. Ледяев предлагает более универсальную типологию власти, построенную на основе трех классификационных признаков: 1) источника подчинения, т.е. средства (метода) осуществления; 2) типа субъекта власти; 3) вида деятельности. «В зависимости от источника подчинения объекта субъекту властные отношения могут принимать форму силы, принуждения, побуждения, убеждения, манипуляции и авторитета» [Ледяев, 2001, с. 344–345]. В соответствии со вторым способом классификации, названный автор выделяет индивидуальную и коллективную власть. По его мнению, «коллективная власть возникает только в тех ситуациях, когда составляющие группу акторы обладают специфическими информационными ресурсами, т.е. знанием определенной последовательности действий, необходимых для осуществления власти, и их действия организованы. Поэтому расплывчатые труднокоординируемые группы (нации, классы, большие территориальные общности, и т.п.) вряд ли могут быть коллективными субъектами власти» [Там же, с. 346–347]. В классификации третьего типа В. Ледяев выделяет политические и неполитические формы власти. Данное выделение интересно для нас постольку, поскольку зачастую власть отождествляется только с политическими отношениями.

Для *типологии* методов реализации власти следует иметь представления об особенностях процесса принятия решения об осуществлении (или неосуществлении) действий отдельными индивидами. Мы будем опираться на следующие положения, изложенные выше. Прежде всего, основные факторы этого процесса могут быть подразделены на две группы: внешние и внутренние. К формирующим действия актора внешним факторам относится окружающая среда, в которой он осуществляет свое функционирование. К внутренним факторам следует относить элементы сознания, которые обеспечивают процесс принятия решения об осуществлении определенных действий. Мы выделим три категории, характеризующие ментальное состояние индивида, а именно: ценности, мотивы и цели.

Отталкиваясь от общей схемы и основных элементов, определяющих волевые действия отдельных индивидов, мы попытаемся выделить основные методы установления господства одних и подчинения других индивидов. Поскольку воля отдельного индивида формируется под влиянием названных выше четырех эле-

ментов (ценностей, мотивов, целей и окружающей среды), постольку и подчинение этой воли, т.е. подавление ее волей другого (господствующего) индивида будет определяться способностью этого последнего воздействовать на выделенные нами четыре элемента системы деятельности индивида подчиняемого. Воздействие на каждый из этих элементов может быть осуществлено различными средствами. Совокупность средств, определенным образом воздействующих на определенный элемент системы действия мы будем называть методами (типами, видами) установления отношений господства-подчинения.

В нашей работе при описании типологии методов установления подчинения взят за основу вариант, предложенный В.Г. Ледаевым в монографии «Власть: концептуальный анализ» [Ледаев, 2001]. Здесь различение методов подчинения (видов власти) осуществляется по источникам подчинения объекта субъекту. В качестве таковых источников мы будем рассматривать основные элементы системы действия индивидов, а именно: окружающую среду и телесную организацию, а также ценности, мотивы и цели.

Как известно, в литературе существует «узкое» толкование отношений господства-подчинения (власти), всегда возникающих вопреки воле подчиненных и потому основанных на различных методах принуждения. В данной работе используется «широкое» представление об отношениях господства-подчинения. В его состав входят, наряду с «узко» понимаемыми отношениями власти также и виды подчинения, основанные на отношениях добровольности (в том числе и солидарности). Ниже мы увидим, что рассматриваемая типология методов власти соответствует варианту ее расширенной трактовки.

Принудительные и добровольные методы установления отношений подчинения. Всю совокупность методов мы делим на добровольные и принудительные (рис. 2.3). Принудительными методами мы будем называть те, которые позволяют субъекту власти добиться нужного поведения против воли ее объекта (подчиняемого). В группу, представляющую принудительные методы установления отношений подчинения, следует включить: 1) применение силы; 2) принуждение; 3) побуждение. Добровольные методы подчинения включают в себя: 1) авторитет (и патернализм как его вид); 2) убеждение (и его вид – правовое принуждение); 3) манипуляции.

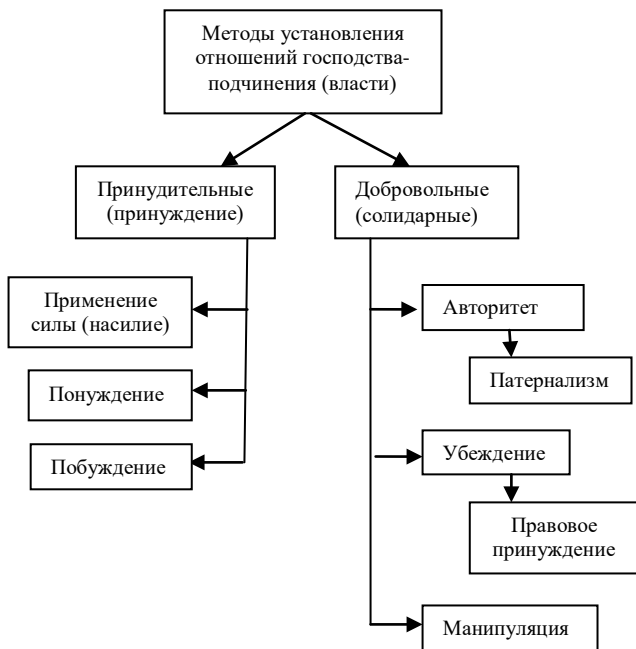

Рис. 2.3. Методы установления отношений господства-подчинения (власти)

Ниже мы рассмотрим все эти методы более подробно.

- *Применение силы (насилие)*

В литературе имеются различные трактовки процесса применения силы или насилия. Некоторые авторы используют расширительную трактовку, в соответствии с которой насилие фактически отождествляется со всеми формами принуждения. Другие используют более «узкий» подход, по которому применение силы «...означает возможность оказать намеренное влияние на тело или психику объекта или ограничить его потенциальные действия» [Ледяев, 2001, с. 28]. Здесь в качестве объектов воздействия выступают окружающая среда, телесная организация и психика (сознание) индивида.

Так, по определению В.И. Красикова, «насилие – непосредственное, физическое или психическое, противоборство, принуждающее взаимодействие, прямой либо дистантный контакт между основными участниками сшибки тел и воли. В нем, в итоге меряния силами (физическими или же волевыми), устанавливаются отношения “господства-подчинения”» [Красиков, 2010, с. 19–20]. Как утверждает А.А. Гусейнов, «насилие можно интерпретировать как разновидность отношений власти, поскольку последняя представляет собой господство одной воли над другой, принятие решения за другого» [Гусейнов, 2001, с. 14]. Аналогичной точки зрения придерживается В.Г. Ледяев: «Обычно понятие "сила" используется для обозначения воздействия на физическую сторону бытия объекта, на его тело, т.е. в значении "физическая сила". Однако, на мой взгляд, понятие вполне применимо и к воздействию на сознание (психику) объекта, т.е. может использоваться и в значении "психическая сила"» [Ледяев, 2001, с. 282].

Тем не менее существует еще более «узкая» трактовка насилия, в соответствии с которой к нему относятся только физические воздействия. Объектами применения силы в ней выступают телесная организация и окружающая среда индивида, посредством изменения которой ограничиваются его действия (в том числе и его передвижение). Психика не выступает здесь в качестве объекта воздействия. Так, по мнению А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина, понятие насилия «... включает лишь физическое воздействие на объект» [Дмитриев, Залысин, 2000, с. 23], оно рассматривается ими лишь как «физическое принуждение» [Там же, с. 22]. При этом «... физический характер принуждения определяет сам способ воздействия на объект. Принуждая кого-то к чему-либо, субъект насилия использует возможности мышц, мускулов или орудия, которые усиливают их воздействия (подручные средства, огнестрельное оружие, отравляющие вещества и т.д.). Актами политического насилия являются конкретные насильственные действия: убийства, избиения, принудительное задержание, пытки, взрывы, поджоги, экспроприация собственности и т.д.» [Там же, с. 22]. Аналогичной точки зрения придерживается В.И. Красиков. По его словам, «... политическое насилие есть физическое воздействие в процессах властвования или его оспаривания в виде избиений, принудительных задержаний, пыток, взрывов, поджогов, экспроприаций, убийств и т.п.» [Красиков, 2010, с. 148].

В данной работе мы будем придерживаться этой последней, «узкой» трактовки применения силы или насилия. Мы определим их как физическое воздействие на телесную организацию индивида – объекта насилия или на его окружающую среду с целью подчинения его поведения. В соответствии с такой трактовкой применение силы (насилие) как метод установления отношений подчинения воздействует на окружающую среду и телесную организацию объекта. Причем эти воздействия имеют негативный характер: они ограничивают среду и создают препятствия, ухудшают условия действий индивида.

● *Понуждение*

Многие исследователи считают необходимым рассматривать угрозу применения силы (насилия) в качестве самостоятельного метода установления отношений подчинения. В работах ряда авторов этот метод получил название «принуждение». Как отмечает В.Г. Ледяев, «в принуждении источником подчинения объекта команде субъекта выступает угроза применения субъектом негативных санкций по отношению к объекту в случае отказа от повиновения, т.е. угроза силы. Хотя сила и принуждение нередко воспринимаются как одно и то же, концептуальное различие между ними является необходимым, поскольку они имеют разные источники подчинения и разные способы осуществления» [Ледяев, 2001, с. 344].

На необходимость отделения угрозы применения от собственно применения силы указывают и другие авторы. «В определение понятия «политическое насилие», – пишут А.В. Дмитриев и И.Ю. Залысин, – мы не включаем саму угрозу насилия, хотя некоторые исследователи и делают это. Применение физического принуждения и его угроза в политике тесно между собой связаны, часто дополняют друг друга, усиливая производимый эффект. Однако между ними есть качественные различия. Прежде всего, они различаются по содержанию и последствиям ... Угроза насилия – это средство духовного принуждения, с точки зрения механизма воздействия на объект и последствий его использования» [Дмитриев, Залысин, 2000, с. 24].

В.И. Красиков подчеркивает, что принуждение является формой влияния и характеризуется «... высоким уровнем оказываемого давления, но которое, в отличие от насилия, не физично, а

имеет психологический или идеологический характер. Принуждение, однако, также использует косвенно насилие, т. к. давлению поддаются, либо помня об имевшем место ранее насилии, либо пасуя перед угрозами его применения в последующем, в чем, собственно, и заключается действенность нефизического давления. Такое понимание отделяет толкование насилия как непосредственного физического воздействия от его *широкого* фигурально-го толкования, когда *под насилием* понимается все то, что нам может препятствовать в этой жизни. К примеру, метафорически, и природа, и окружающий мир «насилуют» нас, мешают нашему своеволию и желаниям» [Красиков, 2010, с. 148].

По нашему мнению, использование термина «принуждение» для обозначения именно угрозы применения насилия создает определенные трудности, поскольку данный термин (в том числе и в упомянутых работах) зачастую используется в более широком смысле, т.е. обозначает все формы подчинения, предполагающие преодоление воли его объекта. По этой причине в данной работе для обозначения соответствующего метода установления отношений подчинения мы будем использовать термин «понуждение». Таким образом, понуждение – это метод установления подчинения посредством угрозы применения негативных санкций (в том числе – насилия). И, следовательно, «понуждение» является одним из методов принуждения, которое, в свою очередь, является одной из форм отношений господства-подчинения.

Можно отметить, что в современной политической практике встречается близкое смысловое использование данного термина. Так, в недалеком прошлом в СМИ активно использовалось словосочетание «понуждение к миру», смысл которого сводился к тому, что одна из сторон – зачинщик политического конфликта – побуждалась другой стороной к его прекращению под угрозой применения ставшей очевидной превосходящей военной силы.

Для осуществления понуждения используются различные средства и инструменты. Как подчеркивают А.В. Дмитриев и И.Ю. Залысин, «орудиями этой разновидности принуждения... являются инструменты пропаганды, идеологической обработки, использования общественного мнения, коммуникативного воздействия и т.д. Объектом воздействия является сознание людей, а последствия так же состоят прежде всего в изменении сознания, формировании под воздействием запугивания определенных установок, норм поведения» [Дмитриев, Залысин, 2000, с. 24–25].

Понуждение влияет на индивидов, воздействуя на определенные элементы их системы действия, а точнее – на ее ментальные составляющие. По нашему мнению, речь идет об изменении мотивов и целей. Возникающая в сознании (психике) индивида реальная или гипотетическая угроза применения силы или других негативных санкций вряд ли изменит его ценности, но может оказать влияние на мотивы и цели. Последнее может изменить и поведение объекта понуждения, чего и добивается его субъект. Подчеркнем, что угрозы действуют в негативном направлении, т.е. они налагают дополнительные ограничения, уменьшают набор возможных действий индивида.

- *Побуждение*

В определенном смысле побуждение противоположно насилию и понуждению, ибо последние основаны на негативных санкциях, а «...в процессе осуществления побуждения нежелание объекта следовать распоряжениям субъекта преодолевается с помощью позитивных санкций, обещания вознаграждения» [Ледяев, 2001, с. 344].

В.Г. Ледяев сформулировал важные различия особенностей и последствий применения побуждения и понуждения (в его терминах – «принуждения») на процессы взаимодействия индивидов. Он отмечает, что эти методы имеют разные ресурсы подчинения. В то время как побудительная власть «основывается на утилитарных ресурсах (деньги, недвижимость, возможность оказания различных услуг и т.д.)», понуждение «ассоциируется с оружием, физическим превосходством, военными организациями и другими силовыми ресурсами» [Ледяев, 2001, с. 288–290]. В качестве главного отличия автор называет разную реакцию индивидов. Если немедленной реакцией на понуждение «... является страх, беспокойство и сопротивление, то побуждение обычно ассоциируется с надеждой и поддержкой. Позитивные санкции имеют тенденцию создавать ощущение симпатии и заботы о нуждах объекта, тогда как негативные санкции – ощущение безразличия или враждебности по отношению к нему. Первые обычно укрепляют стремление объекта сотрудничать с субъектом в будущем, тогда как вторые препятствуют этому» [Там же, с. 288–290].

- *Убеждение*

Данный метод установления отношений подчинения характеризуется тем, что объект добровольно (без положительного и отрицательного давления) принимает решение о своих действиях по рекомендации субъекта подчинения на основании рациональной информации (аргументов), представленной последним. Добровольность принятия решения означает, что объект может принять или не принять предложенную аргументацию. При этом факт ее принятия не увязан с какими-либо позитивными или негативными санкциями, т.е. отсутствует какое-либо подавление интересов объекта.

По мнению В.Г. Ледяева, «... убеждение можно определить как способность субъекта добиться подчинения объекта с помощью рациональных аргументов. Хотя угрозы и обещания часто выглядят как убеждение, источники подчинения в этих формах власти различные. Власть в виде убеждения осуществляется только в том случае, если в основании каких-то действий лежат аргументы» [Ледяев, 2001, с. 290].

Добровольный характер подчинения свидетельствует об отсутствии конфликта между субъектом и объектом подчинения. Соответственно, объект подчинения может принять или отвергнуть аргументы субъекта, и такой выбор не будет ограничен санкциями со стороны последнего. Ряд исследователей рассматривают конфликт между субъектом и объектом подчинения в качестве имманентного свойства власти. Соответственно, для них убеждение не является методом ее осуществления. Мы являемся сторонниками «широкой» трактовки власти, и потому она включает в себя все формы подчинения объекта, в том числе и убеждение. Здесь мы солидарны с В.Г. Ледяевым, по мнению которого, «убеждение следует отнести к формам власти, поскольку оно является средством достижения субъектом желаемого для него результата во взаимоотношениях с объектом» [Ледяев, 2001, с. 291–292].

Данный автор рассмотрел и ресурсы (средства) убеждения: «Как и другие формы власти, убеждение зависит от ресурсов, которые неравномерно распределены между людьми. Люди различаются по своему умению убеждать, ораторскому таланту, интеллигентности, доступу к информации и умению подать ее нужным образом. Все это имеет прямое отношение к распределению власти – как между отдельными индивидами, так и в масштабе всего общества» [Ледяев, 2001, с. 292].

Подчинение посредством убеждения оказывает влияние на ментальные элементы, и прежде всего на ценности и мотивы. Причем направление воздействия этого влияния может быть как положительным, так и отрицательным, т.е. те или иные ценности или мотивы в системе мотивов и ценностей индивида могут быть либо усилены, либо ослаблены (вплоть до элиминирования).

В рамках убеждения как метода реализации власти (подчинения) могут быть выделены различные его типы. Одним из этих типов, по нашему мнению, является правовое принуждение. Как отмечает А.А. Гусейнов, «правовое принуждение имеет источником предварительный договор, по которому индивиды сознательно в рамках и для целей сообщества отказываются от части своей свободы и передают право материально гарантированного решения по определенным вопросам определенным институтам и институционализированным лицам» [Гусейнов, 2001, с. 14]. Таким образом, в основе правового принуждения лежит общественный договор, в соответствии с которым индивиды сознательно и добровольно соглашаются на определенные формы подчинения. Для принятия такого решения они должны быть кем-то убеждены в его рациональности. Возможно, это убеждение происходит в процессе предварительного обсуждения условий такого договора.

- *Манипуляция*

Данный метод установления отношений подчинения характеризуется неявным (скрытым) механизмом действия. В отличие от него все остальные методы имеют явный (открытый) механизм. Это означает, что наблюдение позволяет зафиксировать и объекты подчинения, и его субъекты, а также средства и методы. В манипуляции такие возможности отсутствуют. Как подчеркивает В.Г. Ледяев, «в отличие от других способов осуществления власти, где субъект четко выражает свои интенции в виде команды или путем непосредственного использования силы, в манипуляции субъект воздействует на объект без выражения своих пожеланий в отношении деятельности объекта. Манипуляция может иметь место и в тех случаях, где между субъектом и объектом вообще нет коммуникации, даже в ситуациях, когда объект не знает о самом существовании субъекта» [Ледяев, 2001, с. 292].

Скрытое подчинение объекта осуществляется либо посредством влияния на его окружающую среду, либо на элементы сознания (ценности, мотивы, цели). Последнее часто производится пу-

тем манипулирования предоставляемой объекту информации, которая подвергается определенному отбору или фальсифицируется.

Скрытый характер манипуляции существенно затрудняет ее выделение среди других форм подчинения, ибо здесь информация о действующих средствах подчинения носит замаскированный характер, объект подчинения ею не располагает. Зачастую он воспринимает манипуляцию как убеждение или применение силы. На это указывает цитируемый автор: «... в некоторых случаях манипуляцию непросто отличить от силы и убеждения. Когда субъект открыто создает препятствия объекту действовать определенным образом, то имеет место осуществление силы, когда же субъект делает это скрытно от объекта – манипуляция. В дискуссиях, где интенции субъекта очевидны, мы имеем дело с убеждением. Однако это не препятствует использованию субъектом некоторых элементов манипуляции, что делает грань между ними трудно-различимой» [Ледяев, 2001, с. 293].

Наиболее сложно для объекта подчинения отличать манипуляцию от убеждения. Однако необходимо стремиться делать это, ибо они являются разными методами подчинения и имеют важные принципиальные отличия. Это подчеркивает В.Г. Ледяев: «Хотя с точки зрения объекта манипуляция выглядит как убеждение, это разные виды власти. В процессе убеждения субъект не лишает объект (сознательно) необходимой информации, поскольку он хочет, чтобы объект принял его точку зрения. Напротив, в манипуляции субъект не хочет, чтобы объект мыслил так же, как и он сам, и поэтому сознательно ограничивает поток информации для объекта» [Ледяев, 2001, с. 345].

Фактически манипуляция является использованием любых методов установления подчинения, основанных на обмане объекта и скрытности субъектов. Поэтому ее нравственная оценка чаще всего отрицательна. Тем не менее она широко используется на всех уровнях общественных отношений.

● *Авторитет*

Это один из наиболее явных методов добровольного подчинения. Объект подчинения добровольно подчиняется субъекту, воспринимая необходимость исполнения его команд как должное. «Объект, – подчеркивает В.Г. Ледяев, – как бы передает субъекту право командовать (или соглашается с ним) в каких-то конкретных ситуациях. Это право не обязательно институционализирует-

ся и формально фиксируется. Но субъект всегда ожидает от объекта добровольного подчинения (без сопротивления), зная, что является авторитетом для объекта» [Ледяев, 2001, с. 298].

По мнению данного автора, «источником подчинения выступают какие-то характеристики (свойства) субъекта или его статус, которые делают объект обязанным принять команду субъекта независимо от ее содержания» [Ледяев, 2001, с. 295]. На наш взгляд, в качестве источника авторитета выступают не столько объективные свойства, характеристики субъекта, сколько его субъективное специфическое восприятие объектом подчинения. Действительно, зачастую представления объектов авторитета о характеристиках его носителя совершенно не соответствуют реальной действительности, что не мешает реализации данного метода подчинения. В связи с этим более корректной, на наш взгляд, является определение И.И. Ефремова, согласно которой авторитет «...заключается в признании за субъектом (носителем) выдающихся достижений, знаний, умений, навыков, способностей, его особого положения в обществе, их значимости для человечества, для того или иного объекта, сферы социальной жизни, науки, и базирующемся на этом ненасильственном влиянии его носителя на тот или иной объект, обуславливающим определенную исторически изменяющуюся форму подчинения действий и мыслей людей положениям и нормам, вытекающим из установок субъекта» [Ефремов, 2005, с. 38].

Обсуждая отличия авторитета от других методов подчинения (власти), В.Г. Ледяев отмечает: «В отличие от силы и манипуляции, авторитет зависит от восприятия объекта и обязательно результируется в его повиновении команде субъекта. Границы между авторитетом (особенно легальным авторитетом) и принуждением (понууждением – А.Е.) часто бывают размыты» [Ледяев, 2001, с. 345]. При этом, «в отличие от убеждения, в процессе которого объект самостоятельно оценивает и анализирует рекомендацию субъекта, подчиняющая сила авторитета заключена не в содержании коммуникации между субъектом и объектом, а в ее источнике, т.е. в самом субъекте» [Ледяев, 2001, с. 295].

В статье И.И. Ефремова рассмотрена структура авторитета. По его мнению, «элементами структуры авторитета выступают: субъект (носитель) авторитета – индивид, группа людей, коллектив или определенная часть общества; объект авторитета – то, на кого или на что воздействует субъект авторитета; и область авторитета – сфера действительности, в пределах которой действует

данный авторитет (наука, искусство, военное дело и др.). По субъекту функционирования различают: личностный авторитет; коллективный авторитет; авторитет социального института; авторитет традиции или обычая и т. п.» [Ефремов, 2005, с. 38].

Важное значение имеет соотнесение понятий власти и авторитета. По мнению В.Г. Ледяева, «объяснение отношения между властью и авторитетом является классической проблемой социальной философии и политической теории. Является ли авторитет формой власти или они представляют собой два различных феномена? Данная проблема стала предметом острых дискуссий» [Ледяев, 2001, с. 295]. Ответ на этот вопрос зависит от имеющихся представлений о сущности данных категорий, а, точнее, о приверженности авторов «узкой» или «широкой» трактовкам отношений господства-подчинения. Так, Б.И. Краснов, руководствуясь «узкой» трактовкой, считает, что «вряд ли оправданно отождествление власти с авторитетом. Авторитет – это качество, которым субъект власти может и не обладать, и которое связано с признанием власти без прямого принуждения. В то же время авторитет означает власть, опирающуюся на согласие. Авторитет не приемлет принуждения, являющегося важным элементом власти» [Краснов, 1994, с. 79].

Однако в литературе представлены и альтернативные точки зрения, основанные на «широком» понимании отношений господства-подчинения. Как подчеркивает В.Г. Ледяев, «некоторые авторы (Дж. Остин, К. Маркс, М. Вебер, Б. Рассел, Д. Истон, Р. Бершtedт) рассматривают авторитет как тип, разновидность или форму проявления власти. Он определяется как «институционализованная власть», «власть, осуществляемая в соответствии с соглашением» и т.д. Хотя их подходы существенно отличаются друг от друга, авторы согласны в том, что власть и авторитет соотносятся между собой как общее и особенное, и авторитет невозможен без власти» [Ледяев, 2001, с. 295]. Аналогичную позицию высказывает и И.И. Ефремов, который считает, что «авторитет, в узком смысле слова, есть форма осуществления власти» [Ефремов, 2005, с. 38].

На наш взгляд, одним из видов авторитета является патернализм. По мнению А.А. Гусейнова, «патернализм есть господство зрелой (взрослой) воли над незрелой (детской); такое господство считается отеческим, ибо оберегает незрелую волю и, как предполагается, в последующем, когда последняя достигает стадии зрелости, будет одобрено ею» [Гусейнов, 2001, с. 14]. Источником патернализма выступает субъективное восприятие объектом подчинения

(ребенком) своих родителей в качестве субъектов подчинения, следование указаниям которых он считает своей добровольной обязанностью. Первоначально ребенок абсолютно подчинен, растворен в воле родителей и только по мере формирования его сознания (психики) постепенно формируется его собственная индивидуальная воля, тем не менее существенно зависимая от воли воспитавших его людей. В основе такой зависимости лежат природные механизмы эмоциональной привязанности (любви) детей и родителей.

Реальные отношения господства-подчинения как результат одновременного действия его различных методов. В основе человеческой деятельности лежит ее коллективность, в основе коллективности – отношения подчинения. Следовательно, понимание отношений подчинения является необходимым условием понимания человеческой деятельности, ее любого вида и области. Абстрагирование от отношений подчинения при анализе деятельности обрекает исследователя на оперирование с некоторым ее конструктом, в котором отсутствует важнейшая, принципиальная составляющая объекта изучения. И это не может не сказаться на объяснительных способностях таких теорий. Следовательно, изучение любой формы человеческой деятельности должно опираться на понимание существующих в ней механизмов подчинения индивидов (власти).

Важное значение имеет проблема типологизации методов подчинения. В современной литературе представлены различные варианты его решения. Мы остановились на одном из таких вариантов, который, по нашему мнению, является одним из лучших. В рамках данной концепции, выделяется шесть основных методов установления отношений господства-подчинения (власти), которые мы условно разбили на две группы (добровольные и принудительные). Как подчеркивает В.Г. Ледяев, «все перечисленные формы есть абстракции, играющие роль «идеальных типов» в исследовании властных отношений; они, как и общее понятие власти, не могут выразить реальность во всем ее многообразии, но так или иначе способствуют ее описанию и объяснению. Каждой из форм присущи определенные свойства, эмпирические закономерности и тенденции» [Ледяев, 2001, с. 302].

В общественных науках, в частности в экономике, также осуществляется поиск базовых абстракций. Так, в политэкономии были выделены «чистые» экономические системы (способы про-

изводства). И тогда каждая реальная экономика, существующая в данной стране в данный период времени, может быть представлена как совокупность различных укладов, за каждым из которых стоит определенный способ производства. Без абстрактного выделения «чистых» экономических систем любая реальная экономика представлялась бы совершенно непонятным нагромождением людей, средств производств и отношений.

Выделенные методы подчинения также являются теоретическими абстракциями, «чистыми моделями», которые трудно встретить в реальной действительности. Последняя всегда представляет собой непременное смешение выделяемых в процессе познания научных абстракций. Это касается и властных отношений. «Хотя можно найти "чистые" примеры всех форм власти, большинство "реальных" властных отношений являются "смешанными"» [Ледяев, 2001, с. 302].

Автор проводит интересный анализ смешения различных методов власти в процессе профессионального взаимодействия работодателя и работника: «Возьмем в качестве примера власть работодателя над работником в отношении его профессиональных обязанностей. Власть работодателя обычно имеет несколько источников, и он осуществляет власть в различных формах. Это может быть легальный авторитет (работник признает право работодателя отдавать распоряжения и свою обязанность им подчиняться), персональный авторитет (работник подчиняется работодателю, признавая его превосходство в компетентности и знаниях), принуждение (работодатель использует угрозы, например, уволить работника, если тот не выполнит его распоряжений), побуждение (работодатель стимулирует работника строго выполнять распоряжения, обещая вознаграждение), убеждение (работодатель прибегает к использованию рациональных аргументов для того, чтобы работник понял, что выполнение всех должностных инструкций соответствует его (работника) интересам), манипуляция (работодатель достигает желаемого результата, используя ложную информацию, касающуюся профессиональной деятельности работника)» [Ледяев, 2001, с. 302–303].

Принимая во внимание изложенное выше, мы не можем не согласиться с заключением цитируемого автора: «Довольно часто, как мы видели, бывает непрусто отличить одну форму власти от другой. Все это делает анализ форм власти исключительно трудным для исследователей» [Ледяев, 2001, с. 303].